

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСИТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Н. А. Купина N. A. Kupina

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ЗАЛОЖНИКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО АВАНТЮРИЗМА: ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Аннотация. На материале писем с Восточного фронта (1941—1945) немецкого лейтенанта Йоханнеса Баара рассматриваются идеологемы тоталитарного языка Третьего рейха, выявляются механизмы политизации ментально одобряемых идеологических конструктов, определивших мировоззрение молодого человека, ставшего заложником идеологического авантюризма, но сумевшего в послевоенные годы обрести «критический разум», использовать свой талант для распространения русского языка, формирования диалога между Германией и Россией.

Ключевые слова: тоталитаризм; идеологема; сакрализация; идеологическая субституция; аксиологический выбор; мировоззрение.

Сведения об авторе: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

Место работы: Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312.

e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

THE HOSTAGES OF THE IDEOLOGICAL GAMBLING: TO BE TRIALLED BY WORLD WAR II

Abstract. On the material of the letters (1941—1945) sent from the Eastern front by Johannes Baar, a German lieutenant, the article observes the ideologemes of the Third Reich's totalitarian language, finds out the mechanisms of mentally approved ideological constructs politization, the latter having defined the young man's creed, who became a hostage of the ideological gambling, but managed to gain "the critical mind" in the post-war period, and to use his talent to spread the Russian language, therefore, forming the dialogue between Germany and Russia.

Key words: totalitarianism; ideologeme; sacralization; ideological substitution; axiological choice; personal creed.

About the author: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rethorics and Stylistics of the Russian Language.

Place of employment: Ural Federal University named after Boris Yeltsin.

Тоталитаризм трактуют как особую форму общественно-политического строя, главная особенность которого — полный контроль государства над всеми сферами общественной жизни. Подобное понимание тоталитаризма споров не вызывает. Между тем вплоть до последней четверти XX в. отечественной гуманитарной наукой отрицалась тоталитарная сущность советского государства и стран социалистического лагеря. Общим местом в терминологических словарях было утверждение: «Тоталитаризм используется антикоммунистической пропагандой для клеветы на общественный строй в странах социализма» [Философский словарь 1987: 486]. В новейших российских справочных изданиях в один однородный ряд включаются «различные формы тоталитаризма в фашистской Италии, Германии, коммунистический режим в СССР, франкизм в Испании и др.» [НЭС 2001: 1222].

При всех различиях тоталитарных режимов общим для них является наличие государственной официальной идеологии. Мощный транслятор, проводник идеологических догм — язык, осуществляющий предписательную функцию. Именно с помощью языка вырабатываются нормы идеологически одоб-

ряемого поведения граждан. Предписательность, директивность способствуют формированию особого типа общественного сознания, деформируют мировоззрение, которое в целом характеризуется примитивизмом, представлениями об одностороннем движении времени, мифологизмом, наличием единой коллективной точки зрения, редукцией человеческой индивидуальности, безальтернативностью ценностного выбора. Операторами коммуникативного взаимодействия становятся идеологемы — вербально оформленные политизированные смыслы. Отбор идеологем, их комбинации не могут рассматриваться в отрыве от культуры народа, прошедшего испытание тоталитаризмом [Вежица 1993; Klaus 1972; Клемперер 1998; Купина 1995 и др.].

Важным является вопрос о выборе источников, позволяющих выявить специфику тоталитарного языка, его влияние на общественное сознание. Наиболее полно идеологические предписания реализуются в апологетических текстах (партийные документы, речи вождей и общественных деятелей, газетные статьи, песни власти, тенденциозные произведения художественной литературы, киноискусства и др.). Нельзя, однако, ос-

мыслить специфику тоталитарного языка, «не обратившись к его... пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2007: 7]. Особую ценность приобретают мемуары, личные письма, дневники, диалоги и полилоги в разных ситуациях общения (на собраниях, семинарах, в домашних условиях и др.). Эти языковые материалы обнаруживают векторы влияния официальной идеологии на личностное мировосприятие, взаимоотношение общественного и личного, степень влияния предписанного, формы группового и индивидуального «языкового сопротивления» [Купина 1999: 6].

В статье рассматриваются тексты фронтовых писем немецкого лейтенанта (1941—1945), адресованные родителям и невесте [Баар 2005]. Йоханнес Баар родился 7 февраля 1921 г. в немецком городе Люннебурге. Он был призван в армию солдатом артиллерийского полка, после окончания курсов офицерского состава стал лейтенантом <...> в Курляндии попал в плен <...> в 1946 г. отправлен на родину [Баар 2005]. Обращаясь к родителям, адресант мимоходом отмечает, что письма могут быть вскрыты (1942) [Там же]. Это неоспоримое обстоятельство обязывало к самоцензуре, и всё же прямые и имплицитные смыслы позволяют судить не только о мировоззренческих, но и об эмоционально-психологических последствиях глобального влияния тоталитарной идеологии и тоталитарного языка.

Солдат вермахта искренне верит в высокое предназначение немецкой армии, военных действий на чужой территории. Он счастлив находиться в гуще событий. Идеология гигантизма рождает чувство личной причастности к великим свершениям: *Завтра снова на передний край <...> Снова предстоят великие решения, всё вокруг бурлит* (1942) [Там же]. Коварство идеологической лжи в том, что исполняют «великие решения» солдаты, слепо верящие каждому слову своего фюрера.

В текстах писем центральной является идеологема врага, выраженная прямыми и метонимическими номинациями (*враг, вражеский, противник, русские, русский народ, Иван, Советы, советские, красные, большевик(и), коммунизм, русские/советские танки, штурмовики, бомбардировщики, „шарманка Сталина“*).

Идеология милитаризма толкуется как освободительная: внушается идея освободительной миссии войн, в которых когда-либо участвовала Германия. Солдаты и офицеры должны знать и чтить национальных героев-полководцев, занимающих место рядом с Гёте. Планомерно формируются

парадигматические сдвиги в мировоззрении: *Вчера у нас была письменная работа — проверка общего уровня знаний, с рядом вопросов типа: „Кто такой Бисмарк, Гёте, Гинденбург, Мольтке?“ „День рождения фюрера?“ „Полководцы освободительных войн?“ и т. п.* (1942) [Там же].

Идеологический авантюризм выступает под маской ментально одобряемой, детально разработанной «гениальным стратегом» программы: *Больше всего я радуюсь тому, что фюрер остается верен своей программе и не собирается щадить большевизм* (1941) [Там же].

Немецкая армия призвана искоренить большевизм. Эта высокая миссия возложена на каждого солдата. Само понятие «большевизм» содержательно не анализируется, но обретает резко негативную коннотацию: *Сегодня вечером всё будет приведено в состояние боевой готовности и затем — в бой! <...> большевизм будет вырываться с корнем, и мы будем принимать в этом решающее участие. Я с теми, кто первый выстрелит в бой* (1941) [Там же]. Идеологическая субституция, суть которой осмысливается в границах суждения, построенного по принципу акротеzy (не оккупация чужой страны, а ее освобождение от большевизма), в одном из писем подкрепляется шутивым замечанием, исключающим даже мысль о захватнической военной стратегии: *В 10 я встал, во первых строках посмотрел на новейшее изобретение Ивана: он разместил на противоположном берегу вывеску со стереотипной формулировкой „Смерть фашистским оккупантам“. Седьмое ноября — это день захвата власти Лениным. Но этим нас не запугать. Большинство наших солдат и вовсе не знали, что должно было означать слово „оккупанты“* (1943) [Там же].

Беспощадное искоренение большевизма мыслится как неизбежное, но требующее твердости духа и безжалостности. В письмах лишь эпизодически представлены картины зверств, но всё же юноша, с детства впитавший идеи немецкого романтизма, отказывается взять на себя и своих товарищей вину за кровь и страдания ненавистного врага, интуитивно ищет оправдание безжалостности: *<...> мы хотим и должны уничтожить большевизм. А если есть такие намерения, то совершенно ясно, что обе стороны не знают жалости. Только мы не такие звери, как время от времени красные* (1942) [Там же].

Идеологический вирус вызывает рассуждения о мировоззрении врага, который, как представляется Йоханнесу, сражается за

большевистский режим, а не за родную землю. Следует отметить, что слова *фашист*, *фашизм* в лексиконе автора писем отсутствуют. Он скорее ощущает себя носителем немецкого «духа»; собственную идейную позицию интерпретирует как общенациональную, общецивилизационную, а не фашистскую; выносливость, стойкость — как национальный феномен:

Посмотришь на войну с другой стороны. Конечно же, русские выносливее и сильнее немцев в преодолении страданий. Но что значит здесь русский народ? Действительно ли он так крепко держится за свое мировоззрение? <...> Можно ли красного бойца сравнить с немецким солдатом? (1941) [Там же].

Зоркий взгляд юного немца выхватывает внешние приметы, не позволяющие причислить русских к «цивилизованным» народам и одновременно позволяющие найти внутреннее оправдание немецкому присутствию на территории России. Русские неопрытны, их внешний вид не соответствует представлению о чистоплотности, которая «в немецкой культуре занимает особо высокое место» [Жельвис 1997: 117]: *Я сын Плескау* (немецкое название Пскова) *по горло <...> Но опять эти русские! Эти неухоженные люди в засаленных шубах, слишком больших сапогах, небритые, отчасти непричесанные* (1943) [Там же].

Насаждаемая фашистской политической доктриной идеология превосходства отражается в исключении русского народа из ряда цивилизованных. Необходимо отметить, что суждения, подобные приведенному ниже, не являются типичными. Сверхтекст писем не содержит собственно расистских высказываний. Последнее свидетельствует об отсутствии всеохватного влияния государственной идеологии на внутренний мир отдельного человека. Скорее всего, идея цивилизационной общности, выступающая как средство «демонстрации положительной принадлежности» [Жельвис 1997: 117], ближе Йоханнесу, чем идея расового превосходства: *Но взгляни-ка на русских пленных! Конская падаля может здесь валяться хоть три недели — они все равно ее сожрут! Хотя у них хватает еды! Да! война против таких людей всё же ни в какое сравнение не идет с войной между цивилизованными народами* (1941) [Баар 2005].

Поставленная обожаемым фюрером задача уничтожения большевизма определяет вектор движения времени и воспринимается как руководство к действию: *Часть речи фюрера я тоже смог прослушать. „Бить большевистского колосса, пока он не бу-*

дет разбит“ (1941) [Там же]. Голос вождя, интонационный рисунок его речи оказывают гипнотическое воздействие, вызывают эйфорию, возвышают дух: *Сегодня после обеда мы слушали речь нашего фюрера <...> Голос Адольфа Гитлера — это поднимает дух* (1941) [Там же]; *Какое прекрасное чувство испытал я, когда он* (Гитлер) *заговорил* (1941) [Там же]. По словам пережившего нацизм Виктора Клемперера, звуковой строй речи Гитлера действовал, «подобно массовому гипнозу»: «...мы имеем дело с сознательно осуществляемым совращением, суть которого заключается в использовании регистра благочестивой, церковной речи» [Клемперер 1998: 145]. Очевидец утверждает, что «это воздействие принимает в своих высших проявлениях религиозный характер», связанный «с проповеднической интонацией и эмоциональной подачей обширных кусков речи» [Там же]. Не размышляя, Йоханнес с упоением подхватывает программные политические установки, имеющие формульное выражение. Политические императивы срываются с духовно-нравственными и эмоциональными: фюрер — мессия (это принимается на веру); он указывает единственно верный путь к победе над врагом.

Подъем духа сочетается с чувством долга. Модальность долженствования охватывает весь эпистолярный сверхтекст: *Я сегодня утром чуть было не упал духом, но мы должны быть тверды* (1943) [Баар 2005]. Патриотизм в неразрывном соединении с долгом составляют «программу-минимум»: *Любить нашу Германию и исполнять наш долг — этого достаточно, пожалуй, в данный момент* (1943) [Там же]. Личное чувство долга не отделено от коллективного. Действующие субъекты, исполняющие свой долг (*я, ты, мы, каждый, солдаты, нация*), ощущают величие единой задачи. Коллективное подавляет индивидуальное и примитивизирует даже межличностное взаимодействие: *<...> здесь я лучше общаюсь с моими начальниками и подчиненными, если шагаю со всеми в ногу* (1943) [Там же]. Сознательное коллективное реализуется на основе политизированного концепта «нация». Добровольное и при этом одухотворенное подавление собственного «я» рождает уверенность в неукоснительности следования приказу, утверждению «духа нации»: *Следующую зиму мы встретим во всеоружии перед лицом трудностей со снабжением. Об этом говорят чаще всего <...> Кое-кто подавлен, но каждый справляется с тем, чтобы за рамками собственного „я“ увидеть нацию, но каждый так или иначе исполняет свой долг, и, если поступил*

приказ — каждый подчиняется, даже если на обед была похлебка, а на ужин — пара кусков хлеба. В этом именно и проявляется лучший дух наших солдат, и он победит (1942) [Там же].

Немецкий солдат, носитель «духа нации», обязан обладать волей, слепо исполнять приказ, следовательно, — свой долг. Солдат лишен права думать, анализировать ситуацию, сомневаться, ибо «деятельность рассудка, логического мышления... для нацизма... смертельный враг» [Клемперер 1998: 186]. Из личного лексикона изгоняются глаголы интеллектуальной деятельности:

Я вчера пытался каждому солдату разъяснить, что каждый несет личную ответственность за победу и что каждый обязан нести в своем сердце святую непоколебимую волю к победе. А значит, мы не задаем вопросов, закончится ли война в следующем году, и не думаем постоянно о чуде, которое хочется, чтобы произошло (1943) [Баар 2005].

Идеологема единодушия приобретает в тоталитарном языке патетический орнамент (ср.: [Мокиенко, Никитина 1998: 186]), а само проявление безоговорочной всеобщей поддержки выдвинутых вождем великих задач исключает возможность аксиологического выбора. Сердце Йоханнеса всецело принадлежит фюреру. Определенное влияние на юношу оказывают немецкие газетные издания, пропагандистские радиопередачи. В то же время тексты писем с фронта не содержат сведений о планомерном партийном политическом воздействии.

Активные механизмы сакрализации идеологических конструктов «наш фюрер», «дух нации», «воля», «долг», «победа» подавляют рационально-аналитическое восприятие действительности, порождают фанатизм. Прежде всего это фанатическая ненависть к врагам и фанатическая вера в победу. Фанатизмом заражены не только немецкие солдаты и офицеры, но и те, кто остался в тылу. Фанатизм оценивается как ценностное достояние нации, основа духовного родства и взаимоподдержки. Поскольку яростная ненависть к общему врагу предполагает его физическое уничтожение, категории духа, сплоченности, воли и долга объективно служат для оправдания агрессии, которая понимается специалистами как любое действие, «любая форма поведения, нацеленного на... причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрн, Ричардсон 1999: 26].

В сознании немецкого лейтенанта происходит идеологическая трансформация (очевидная агрессия трансформируется

в представление о сопротивлении), способствующая укреплению фанатической веры в победу: *Я так рад, что вы на Родине вопреки всем трудностям, гнетущим вас, так надежно верите в победу. Я снова скажу моим людям <...>, что мы спокойно можем войти в пятый год войны, что Родина еще сильнее, чем прежде, будет поддерживать нас в тылу и что теперь от нас зависит не ослабить нашу волю к сопротивлению и нашу фанатическую ненависть к нашим врагам* (1943) [Баар 2005].

Фанатизмом отмечена вербализованная идеологема жертвенности, которая сращивается с идеологемой долга и мыслится как естественное условие победы: *<...> надо жертвовать и жертвовать собой, чтобы победа стала нашей* (1942) [Там же].

Умный, мужественный молодой человек интуитивно начинает ощущать неосуществимость руководящих императивов. Сомнение — первый шаг на пути к объективному анализу происходящего: *Я остаюсь большим мечтателем и оптимистом по большому счету <...> Может быть, мой оптимизм есть лишь недостаток реальной способности мыслить. Мне всё равно* (1944) [Там же]. Наряду с вводными словами, выражающими предположение, в письмах 1944 г. появляется слово *сомнение*, которое включается, однако, в конструкции с уступительными и/или противительными отношениями: *Я всё еще верю в нашу победу, хотя именно здесь, на Северном фронте, возникают сомнения. Но наши дела, может быть, еще не так уж плохи* (1944) [Там же].

«Внутренняя модель внешнего мира» [Клаус 1967: 26] формируется в контексте военных сражений, непосредственным участником которых был Йоханнес Баар. Его искренняя убежденность в незыблемости ценностных констант тоталитарной идеологии проходит испытание жестокой реальностью.

Первоначально действия врага воспринимаются как докучливые помехи, характеризуются с легким юмором: *<...> русский Иван вел себя достаточно разумно, только один противотанковый снаряд разорвался рядом с нами* (1941) [Баар 2005]; *<...> неделя была спокойной, бомбардировщики красных лишь иногда пытались нам помешать* (1941) [Там же].

Постепенно приходит понимание того, что вездесущий враг не так прост: он хитер и непредсказуем. Но и это не принимается всерьез — слишком велика вера в собственные силы: *Мы повидали и пережили уже очень многое и столкнулись уже со всем тем, что может противопоставить нам*

враг, начиная с пехотинца и кончая вражескими танками и бомбардировщиками. Противник может появиться отовсюду (1941) [Там же]; Мне интересно, что получится из русского наступления. Они, говорят, используют всяческие трюки. Но так просто мимо нас они не пройдут (1942) [Там же].

Любой тактический выигрыш вызывает духовный подъем. Наступательные настроения не ослабевают. Не ослабевает и фанатическая вера в победу: <...> враг что-то планирует <...> слышится молотьба советских танков <...> ударные залпы „шарманок Сталина“ <...> несколько часов подряд **мы почти непрерывно ведем огонь по вражеской пехоте** <...> **Вот и еще удар получил большевик** <...> в каждом из нас **чувствуется своеобразное воодушевление** (1942) [Там же]; Враг, как безумный, обстреливает наши огневые позиции <...> появляются танки <...> На следующий день подлетели наши пикирующие бомбардировщики, **мы снова наступаем** (1942) [Там же]; <...> бомбардировщики и штурмовики, которые всегда чертовски низко пролетают над нами и прочесывают местность. Но **нанести нам сокрушительное поражение Советы не смогут** (1942) [Там же].

Неожиданным оказывается упорство врага, который не только удивляет, но и проявляет силу, изобретательность. Всё это расценивается как наглость, но порождает замешательство: Сегодня ночью у нас было –34°. А русские всё время бодро атакуют <...>. Они имели **наглость** обрушиться нам в тыл и перерезать связь <...> **Настроение не очень хорошее. Ведь точно не знаешь, чего дальше-то ждать** (1942) [Там же]; В основном „шарманки Сталина“ выпускали одну серию снарядов за другой, до тех пор, пока **перед нами не выросла черная стена и не закрыла нам какой-либо обзор** (1942) [Там же].

Стремительность и мощь атак русских обескураживают. В письмах появляются экспрессы дикий, безумно, ужасно, страдание, позволяющие судить об эмоциональном состоянии смятения, но не о страхе (слово страх в текстах отсутствует): Сегодня русские снова сделали передышку, чтобы атаковать вновь. **Дикие** перестрелки снова в ходу (1942) [Там же]; <...> налетели русские штурмовики. Они летали по кривой **безумно** низко, стреляли из бортовых пулеметов и сбрасывали бомбы <...> (1942) [Там же]; <...> неожиданный ураганный огонь русских <...> **Ужасно**. Потом открыли огонь мы, я опять помогал у орудия, две тяжелые гранаты просвистели совсем ря-

дом с нами <...> (1942) [Там же]; Так много **страданий**, так много бед видят глаза... (1942) [Там же]. Власть тотального контроля не беспрельдна: глазам невозможно запретить видеть.

Испытанием стойкости, силы духа и воли стали невиданные морозы: **Мы должны дожить до весны! За последний месяц я научился ненавидеть зиму, эту холодную белую смерть в русской глуши** (1942) [Там же]. Оборонительный юмор не может скрыть разочарования и усталости: **Но мы стойко выдерживаем натиск генерала Винтера, ему не победить нас, и это чувство придает нам мужества. Когда-нибудь всё-таки всё закончится** (1942) [Там же].

В тексты писем проникают наполненные тревогой сообщения: **Под Москвой дела тяжелые** (1941) [Там же]; <...> пришел Мёринг с последними новостями с озера Ильмень <...> **Сейчас нам совсем худо** (1943) [Там же]; <...> телефонная линия повреждена, **и мы полностью отрезаны от окружающего мира** (1944) [Там же] и т. п.

Неукротимая воля к победе наталкивается на факты превосходства врага: <...> ночные бомбы „кофемолки“ (потрясающий самолет красных, который сбрасывает бомбы каждую ночь) <...> мы снова уходим под землю, оставляем ненавистные дома (1942) [Там же]; **Русские танки на передовой! <...> Открывает огонь „шарманка Сталина“ <...> а потом вступает тяжелая артиллерия <...> Пехота отступает <...> Паника, многие бегут назад...** (1942) [Там же].

С болью Йоханнес пишет невесте о гибели фронтовых товарищей. В их числе — школьные друзья: **Посылаю три фотографии нашего кладбища героев летней кампании. Оба камрада погибли, когда я командовал ротой, от снайперов. Можешь их помянуть от моего имени** (1943) [Там же]; **Гунтер пропал без вести! Кри, я понимаю твою боль, ты так любишь своего братика! <...> прочел объявление о гибели смертью храбрых Германа Бинефельдта, а теперь четвертый из класса!** (1943) [Там же]; **Бои продолжаются. Недавно погиб лейтенант Штеферен, мы с ним были вместе в котле под Демьянском <...> я, значит, остался единственный из наших переученных артиллеристов** (1944) [Там же].

Несмотря на горечь утрат, поддерживаемый пропагандой фанатизм сохраняется. Неотделима от коллективной личная уверенность в победоносном исходе войны под предводительством фюрера: **Интересное было замечание (в газете „Das Reich“), что мы... останемся здесь до победы <...> ведь для нас, тех, кто воюет с первого дня,**

должно быть делом чести увидеть и конец войны! (1942) [Там же]; *Наше положение серьезно, но мы не сдадимся просто так!* (1942) [Там же]; *Как только могли возникнуть слухи о том, что наш фюрер оставит нас в беде? Мы непоколебимо убеждены, что он приведет нас к победе* (1943) [Там же].

Бесславный финал военной эпопеи не только личная драма, но и крушение гитлеровского идеологического авантюризма. Бывший лейтенант вспоминает день 8 мая 1945 г. в Курляндии: <...> *перед высотой 88,1 оказываются десятки русских — сила, превосходящая нашу в 10 раз <...> Полчаса спустя перед моим бункером стоит русский капитан в сопровождении еще одного мало-го: „Вы капитулировали и должны быть немедленно взяты в плен“ <...> Навстречу нам непрерывно движутся русские войска. Они кричат: „Гитлер капут!“* [Там же: 171—173].

Является ли крах гитлеризма моральным крахом тех молодых людей, которые стали жертвами режима? Жизнь и судьба Йоханнеса Баара дает отрицательный ответ на этот вопрос. Тексты писем обнаруживают ценностные константы, которые позволили лейтенанту сохранить человеческое лицо: Бог, любовь, семья, потребность в интеллектуальных занятиях, жизнерадостность.

Вера в Бога помогает отвлечься от ужасов войны, насладиться минутами покоя, ощутить истинное величие бытия: <...> *лишь долгие ясные, полные звезд ночи заставляют недовольное сердце молчать и благоговейно удивляться величию небес* (1942) [Там же]; *А по ночам и здесь чудесное, полное звезд небо позволяет почувствовать близость Бога* (1941) [Там же].

Любовь преданной Кристель вселяет надежду на возможность реализации внутренних духовных резервов в мирное время. Но и частная жизнь находится под полным контролем государства. Чтобы вступить в брачный союз, молодые должны быть «истинными арийцами», соответствовать сумме требований, причем подтвержденных документами. Характерно, что требования эти молодой лейтенант воспринимает без ожесточения. Долг подавляет эмоции: <...> *еще не знаю, что я здесь есть и что я могу. Но я всё-таки рад, что после победы смогу показать, что и в другой сфере жизни смогу добиться достойного положения. Скажи-ка, Кри, как обстоят дела со свидетельством о браке и письменным заявлением о твоём арийском происхождении?* (1944) [Там же]; *Кстати, о женитьбе и замужестве <...> тебе понадобится: справка о пригодности к браку и о благонадежности в браке,*

справка о политической и полицейской благонадежности, родословная предков, арийское происхождение и немецкая национальность должны быть подтверждены документально. Всё это ты собираешь там, у себя дома, а я подаю здесь мои бумаги, потом должно быть всё ясно (1944) [Там же].

Согревает постоянная моральная поддержка отца и матери: *Приятно читать письма из дома — чувствуешь себя не таким покинутым* (1942) [Там же].

Лейтенант, которому запрещено задавать лишние вопросы, не оставляет интеллектуальных занятий: *Потом до обеда я ревностно изучал финский язык. Это моя самая последняя страсть в целях зарядки для ума* (1943) [Там же]. Впоследствии «программа фюрера» была полностью заменена собственной интеллектуальной программой: «В России он (Баар) выучил русский язык, после войны овладел итальянским, греческим, грузинским, китайским» [Вербицкая 2005: 7].

Активное сопротивление давлению тоталитарной идеологии началось после войны, хотя мысль о личной ответственности зародилась гораздо раньше. Через много лет после поражения Германии он напишет: *Вообще-то 8 мая, в день капитуляции, я был убежден, что русские нас расстреляют. Почему? Был ли я виноват?* [Баар 2005: 177—178]. Обретение личной свободы после плена — это и возвращение отобранного в годы нацизма права на аналитическое осмысление жизни в границах реального времени, осознанный выбор собственного отношения к прошлому, настоящему и будущему: *Я остался жив. Я был свободен, мог начать думать о будущем <...> Я попытался выучить русский язык, познакомиться с людьми этой страны. И уже на протяжении десятилетий я пытаюсь делать всё для распространения этого языка, оптимистично веря, что разговор с людьми другой нации является основой для равноправия, избавляет от комплексов, действует заботе о ближнем* [Там же: 179].

Вчерашний офицер вермахта выбрал гуманитарную форму идеологического сопротивления. Дело его жизни стало *распространение русского языка*. В 1965 г. доктор Баар организовал международный семинар русского языка, который и сегодня собирает в Тиммердорферштранде (курортный городок на берегу Балтийского моря) гимназистов и учителей, студентов и переводчиков, многочисленных ценителей русской литературы и культуры. Друзьями семинара стали бывшие участники Второй мировой войны. Йоханнесу Баару удалось соз-

дать уникальную атмосферу духовной близости, взаимопонимания, открытости, интеллектуальной раскрепощенности. «Тиммендорфскую» атмосферу искренне поддерживают коллеги и единомышленники доктора Баара. Гостями семинара становятся русские писатели, поэты, музыканты. Ежегодно, в течение двух недель, в Тиммендорфе не смолкают жаркие споры о прошлом и настоящем Германии и России. На учебных занятиях, которые проводят преподаватели из разных университетов России, участники семинара погружаются в мир русского слова. И всё же главный урок русского, убедительный урок толерантности, дал Йоханнес Баар, сумевший сбросить вериги тоталитарных стандартов, стать самим собой, осмыслить заблуждения прошлого, совершить личный аксиологический выбор: *Меня всю жизнь сопровождала мысль: я пришел в Россию, эта война была и моей войной, это была большая часть моей юности. Может быть, миллионы погибших с той и с другой стороны помогут нашей памяти сохранить не фашистов и большевиков, а немцев и русских, а также тому, чтобы наша молодежь сблизилась, чтобы ей было хорошо в Европе — в общей Европе и общем мире. Лучшего примирения, заставляющего забыть о могилах и окопах, я не могу себе представить* [Баар 2005: 179].

Гитлеровское казарменное государство манипулятивно использовало в своих целях лучшие качества немецкого национального характера, в том числе формируемые с детства чувство долга, склонность к порядку, волю. Закрепленные в языке Третьего рейха идеологические догмы и императивы, идеологическая трансформация, идеологическая субституция, а также регулярные эмоционально-психологические пропагандистские атаки, романтизирующие «победоносный бросок» на Восток — всё это сделало молодых немцев заложниками идеологического авантюризма. Время обнаружило возможности реализации интеллектуального и эмо-

ционально-психологического потенциала человека, в конечном итоге одержавшего личную победу над преступной идеологией нацизма.

ИСТОЧНИК

1. Баар Й. Урок русского: фронтовые письма немецкого лейтенанта / предисл. Л. А. Вербицкой ; сост. М. В. Отрадин ; пер. с нем. и примеч. М. П. Клочковского. — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2005.

ЛИТЕРАТУРА

2. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб. : Питер, 1999.
3. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107—125.
4. Вербицкая Л. А. Доктор Баар — почетный доктор Санкт-Петербургского государственного университета // Урок русского: фронтовые письма немецкого лейтенанта / Й. Баар. — СПб. : Филологический фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 7—9.
5. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М. : Ладомир, 1997.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. — М. : Прогресс, 1967.
8. Клемперер В. ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. — М. : Прогресс — Традиция, 1998.
9. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Пермь : ЗУУНЦ, 1995.
10. Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.
11. Мокиенко В. М., Никитина М. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
12. НЭС = Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. — М. : Большая Российская энцикл., 2001.
13. Философский словарь / под ред. И. М. Фролова. — М. : Политиздат, 1987.
14. Klaus G. Sprache der Politik. — Berlin, 1972.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.